

До наступления часа собаки А Ци и Нин Цзюэ, не желая возвращаться, наконец дошли до переулка Мэйхуа. Толкнув полуоткрытую заднюю дверь, они по пути в гостевые комнаты столкнулись с управляющим Ли.

Управляющий не стал расспрашивать, где они пропадали, лишь окинул Нин Цзюэ внимательным взглядом и, бросив короткое: — Господину следует отдохнуть, — удалился по своим делам.

На следующее утро, как только Нин Цзюэ умылся и привел себя в порядок, управляющий Ли прислал слуг со сменной одеждой и завтраком.

— Прошу взглянуть, юный господин. Если чего-то не хватает, старый слуга тотчас подготовит.

Четыре комплекта добротной зимней одежды, украшения для волос, пояса, обувь и носки — всё было в полном порядке. Нин Цзюэ мельком глянул на вещи и ответил:

— Благодарю, управляющий Ли. В поместье и так подготовили с избытком, у меня есть всё необходимое.

— Вот и славно.

Управляющий Ли кивнул, вспомнив события минувшей ночи, и добавил:

— Весенние экзамены уже близко. Юному господину лучше оставаться в поместье и усерднее заниматься. А когда испытания закончатся, развлекайтесь где душе угодно.

Его лицо оставалось спокойным, словно он заранее отрепетировал эти слова. Нин Цзюэ выслушал его, не выказав ни тени волнения. Не проронив ни слова, он взял лунно-белый халат с широкими рукавами и скрылся за ширмой.

Вскоре он вышел, уже переодетый. Слуги ушли, но управляющий Ли все еще стоял в комнате — очевидно, ему требовался четкий ответ, чтобы доложить Нин Ляо.

— До начала весенних экзаменов я не сделаю ни шагу за пределы поместья, — равнодушно произнес Нин Цзюэ, садясь за стол завтракать.

Лицо управляющего разгладилось, он тут же подобострастно согнулся:

— Раз так, не смею больше беспокоить юного господина. Позвольте откланяться.

Он поспешно вышел. Как только его фигура скрылась, в комнату вошел А Ци.

— Господин.

А Ци тихо позвал его, в голосе слышалась тревога. Нин Цзюэ медленно и методично ел, даже не подняв головы, лишь коротко ответил: — М-м.

Он должен был стать сыном дома Нин, но вошел в поместье без имени и статуса, и в итоге оказался заперт в четырех стенах. А Ци думал, что хозяин будет опечален или встревожен, ну или хотя бы проявит хоть каплю досады.

Однако, наблюдая за ним долгое время, пока Нин Цзюэ не закончил трапезу, не сполоснул рот и руки, не подошел к столу, чтобы выбрать книгу, и не устроился на кушетке, А Ци так и не увидел на его лице ни следа эмоций, вызванных словами управляющего.

Неужели ему действительно все равно? — недоумевал А Ци, убирая посуду.

Страницы книги шуршали под пальцами. А Ци навел порядок на столе, отнес сменную одежду господина в задний двор на стирку, а потом, не зная, чем заняться, уселся у дверей и просидел так часа два или три.

Когда принесли обед, Нин Цзюэ все еще лежал на кушетке с книгой. Две уже прочитанные упали к его ногам. А Ци подошел, подобрал их и сложил на столе.

— Господин, поешьте немного.

А Ци напомнил о себе, наконец поняв, что этот юный господин — настоящий книжный червь. Разве может обычный подросток часами неподвижно читать книги?

Нин Цзюэ промолчал, отложил книгу, сел за стол, проглотил пару кусков и тут же вернулся на кушетку, снова взявшись за чтение.

Он читал сборник странных историй о юноше, который странствовал по миру, встречал духов и демонов и в череде потерь и обретений искал свой путь. Автор писал мастерски: от происхождения героя до его первой встречи с нечистью, от столкновений с коварными людьми до дружбы с добрыми духами — сюжет захватывал дух.

Нин Цзюэ читал с упоением. Закончив первую историю, он еще долго вздыхал над судьбой снежного духа, пожертвовавшего собой ради любви. Следом шла глава о Демоне Зеркала: герой попадает в ловушку водного зеркала, случайно встречается там другого юношу с белыми волосами, и они, сразу проникнувшись друг к другу доверием, вместе ищут слабость демона.

Книга становилась все тоньше. И вот, когда герои в тексте наконец обнаружили след Демона Зеркала и приготовились к схватке, повествование внезапно оборвалось. Нин Цзюэ почувствовал, как внутри все закипело от досады — словно его нагло обманули.

Закрыв глаза, чтобы успокоиться, он отложил книгу и долго искал на полках вторую часть, но не найдя ее, с разочарованием поставил первую на место и взял Книгу песен, чтобы очистить мысли.

Два дня подряд Нин Цзюэ прочитывал большую часть книг, что были в комнате. Он был удивительно усидчив: мог часами сидеть с книгой, лишь изредка ненадолго забываясь сном, и день пролетал незаметно.

А Ци, опасаясь, что хозяин зачахнет от безделья, предложил прогуляться по саду, но Нин Цзюэ отказался, едва тот успел открыть рот. И дело было вовсе не в страхе перед пересудами — ему просто не было дела до поместья Нин, ни до людей, ни до пейзажей.

Рано утром Нин Цзюэ снова выбрал книгу и свернулся на кушетке. А Ци долго мялся, прежде чем нерешительно спросить:

— Сегодня праздник Фонарей. Господин, не хотите ли навестить главу дома?

С того самого дня, когда они только приехали, прошло уже три дня, и за все это время они больше не виделись. Нин Цзюэ почти забыл, как выглядит Нин Ляо.

— Нет нужды!

Нин Цзюэ покачал головой, не отрываясь от чтения:

— Праздник Фонарей — время семейного воссоединения. Думаю, он не будет рад, если я приду и потревожу их покой.

Помимо него, у Нин Ляо были сын и дочь, рожденные законной супругой. У Нин Ляо не было наложниц, только госпожа Чжан. Говорили, что они были влюблены друг в друга с юности, жили душа в душу, и если бы не госпожа Юань, их семья была бы образцом гармонии и согласия.

Эти слова вызвали у Нин Цзюэ лишь усмешку. Они даже не задумывались, кто на самом деле был инициатором: Нин Ляо прекрасно знал, что женат, но, забыв о чести и долге, все равно обольстил невинную девушку. Госпожа Юань, конечно, была не без греха, но, учитывая, что Нин Ляо скрыл свою женитьбу, ее поступки вряд ли можно было назвать непростительными.

Мысли спутались. Нин Цзюэ отложил книгу и потер виски. А Ци, не понимая его состояния, пробормотал:

— Как бы то ни было, господин все равно сын своего отца.

— Сейчас — уже нет!

Нин Цзюэ бросил на него короткий взгляд. А Ци вздрогнул, по спине пробежал холодок, ноги подкосились, и он опустился на колени:

— Простите мою дерзость, господин, молю о снисхождении.

Нин Цзюэ не сердился. Его положение было неловким, и неизбежно находились те, кто отпускал колкости — это был свершившийся факт.

— Вставай, я не виню тебя. К чему эти поклоны? — спокойно сказал он и снова вернулся к книге. — Сегодня праздник, не нужно сидеть со мной. Ступай, развлекись.

Холодный, но приятный голос прозвучал как милость. А Ци, получив свободу, почтительно поклонился и ответил: — Слушаюсь.

Когда А Ци вышел, Нин Цзюэ остался в доме один. В день, когда все семьи собирались вместе, он провел весь день в своей комнате. После ухода А Ци, если не считать служанки, приносившей обед, никто больше не переступал порог его покоев.

В час обезьяны Нин Цзюэ, укрывшись тонким пушистым одеялом цвета ротанга, полулежал на кушетке, прикрыв глаза. Холодный ветер, проникавший через открытую дверь, шевелил его распущенные темные волосы. Белые изящные пальцы прижимали страницы трактата о стратегии, не давая ветру их перелистывать.

Управляющий Ли вошел в комнату, не особо заботясь о тишине — его тяжелые шаги заставили Нин Цзюэ мгновенно открыть глаза.

Взгляд его был ясным. Он повернул голову к вошедшему.

— Юный господин проснулся? Прекрасно. Пойдемте со мной в передний зал.

Управляющий Ли улыбался, ничуть не смущаясь тем, что помешал отдыху. Нин Цзюэ слегка нахмурился, сел, отбросил одеяло и, аккуратно сложив книгу, спросил:

— Зачем в передний зал?

— Сегодня праздник Фонарей, время семейного воссоединения. Глава дома приказал мне пригласить вас к общему столу.

Управляющий Ли сиял. Он был уверен, что, услышав это, Нин Цзюэ тут же вскочит и побежит

следом. Он даже слегка отступил в сторону, готовый проводить гостя, но, к его удивлению, тот лишь холодно посмотрел на него и даже не пошевелился.

— Юный господин? — управляющий был озадачен. Идти или нет?

— Весенние экзамены на носу, у меня еще много непрочитанных книг. Потрудитесь передать господину Нин, что я не стану их беспокоить.

Он отказался. Управляющий Ли на мгновение остолбенел:

— Юный господин, неужели вы забыли, зачем прибыли в столицу?

Когда он уезжал, мать умоляла его показать себя с лучшей стороны, произвести впечатление на Нин Ляо и постараться остаться в поместье — неважно, в качестве гостя или признанного сына, главное — закрепиться здесь.

— Моя цель — экзамены. Разве у господина Нина не та же цель? — прямо ответил Нин Цзюэ, и в уголках его губ промелькнула насмешка.

Его тон разительно отличался от того, что был в Иньчжоу. Управляющий Ли нахмурился:

— Глава дома желает вам успеха, но вы еще так молоды. Даже если в этот раз не повезет, стоит лишь заслужить его расположение и остаться в поместье, как он наймет лучших учителей. Тогда успех на экзаменах будет лишь вопросом времени.

— Ха... — Нин Цзюэ рассмеялся. — Насколько я помню, господин Нин в первый же день ясно дал понять, что второго шанса не будет. Управляющий Ли, говоря это сейчас, вы, по сути, бросаете тень на слова своего господина...

— Юный господин, придержите язык! — испуганно перебил его управляющий, боясь, как бы его слова не истолковали превратно.

— Чего вы боитесь, управляющий? В этом месте, кроме меня, даже собака не пробежит.

Нин Цзюэ снова принял безразличный вид и, поправляя одежду, добавил:

— Раз уж все было сказано с самого начала, так и передайте мои слова.

Мысли Нин Ляо его не интересовали. То, что он согласился приехать в поместье Нин, уже было величайшей уступкой ради матери.

Видя, что юноша непреклонен, управляющий Ли не стал тратить слова на пустые уговоры. С хмурым лицом он покинул двор и вернулся в передний зал, где честно передал слова Нин Цзюэ.

Нин Ляо, разумеется, не стал настаивать. Ему было глубоко безразлично присутствие Нин Цзюэ, а управляющего он послал лишь ради приличий, для проформы. Придет он или нет — неважно, главное, что приглашение было сделано.

Семья из четырех человек в переднем зале предавалась веселью, а Нин Цзюэ в задней комнате доел свой обед из трех блюд и супа. Когда слуги унесли посуду, он стал рассказывать по комнате с книгой, чтобы немного размяться после еды.

Зимние дни коротки. Не прошло и часа, как снаружи зажглись фонари. В комнату вошел незнакомый слуга, поклонился и сказал:

— Приветствую вас, господин.

Нин Цзюэ остановился:

— Что случилось?

— Господин передал, что сегодня праздник и в городе очень оживленно. Если вам скучно в поместье, можете сходить на фестиваль фонарей.

Слуга достал из-за пазухи лазурный мешочек:

— Управляющий Ли велел передать вам это. Прошу, возьмите.

Еще два дня назад ему запрещали выходить, а сегодня вдруг сняли запрет? Нин Цзюэ усмехнулся и бросил слуге:

— Ступай, доложи своему господину, что я понял.

— Слушаюсь.

Слуга ушел. Нин Цзюэ отложил книгу и снял с вешалки плащ с белым мехом. На нем был темно-красный халат с узором облаков, и белый плащ поверх него придавал ему таинственный и демонический вид.

А Ци, вероятно, праздновал где-то с другими слугами. Нин Цзюэ не собирался его звать — быть одному и свободным куда приятнее, чем таскать за собой хвост.

<http://bllate.org/book/21783/2252430>